

АЛЕКСѢЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ИЛОВАЙСКІЙ,

атаманъ войска Донскаго

1821 — 1827.

Уроженецъ войска Донскаго, полковникъ генеральнаго штаба, Николай Ивановичъ Красновъ, доставилъ въ редакцію «Русской Старины» двѣ статьи о послѣдующихъ за Адрианомъ Карповичемъ Денисовымъ атаманахъ войска Донскаго — Алексѣѣ Васильевичѣ Иловайскомъ и Дмитріѣ Ефимовичѣ Кутейниковѣ. Печатаемая нынѣ первую изъ этихъ статей, редакція «Русской Старины» считаетъ долгомъ своимъ принести искреннюю благодарность почтенному автору биографическихъ очерковъ объ атаманахъ Иловайскомъ и Кутейниковѣ, служащихъ весьма интереснымъ матеріаломъ для обрисовки періода вліянія ген.-адъют. Чернышева на дѣла Донскаго края, съ 1819 года, по 1836 годъ — годъ увольненія отъ атаманства генерала Кутейникова. Статья о послѣднемъ будетъ напечатана въ одной изъ ближайшихъ книгъ «Русской Старины».

Ред.

По удаленіи съ должности Войсковаго атамана, ген.-лейт. Адриана Карповича Денисова, и по назначеніи, вмѣсто Денисова, наказнымъ атаманомъ ген.-маіора Алексѣя Васильевича Иловайскаго,¹⁾ ген.-адъют. Чернышевъ сдѣланъ былъ предсѣдателемъ исходатайствованнаго Денисовымъ „Комитета для составленія положенія объ устрой-

¹⁾ Высочайшій указъ правительствующему сенату, изъ Лайбаха, 27-го января 1821 г. Въ «Донской газетѣ» 1874—1875 гг., кстати замѣтимъ, одной изъ лучшихъ, въ числѣ провинціальныхъ нашихъ газетъ, помѣщенъ рядъ весьма интересныхъ матеріаловъ, сообщенныхъ А. А. Карасевымъ о дѣятельности ген.-адъют. Чернышева на Дону и о столкновеніяхъ съ нимъ Адриана Карповича Денисова. Въ числѣ этихъ документовъ помѣщены письма Денисова къ Александру I, къ гр. Аракчееву, злобный отвѣтъ гр. Аракчеева — доблестному атаману, донесенія Чернышева и проч. Всѣ эти историческія бумаги служатъ весьма интереснымъ дополненіемъ къ напечатаннымъ въ «Русской Старинѣ» «Запискамъ А. К. Денисова», а потому, при удобномъ случаѣ, мы представимъ изъ нихъ извлеченія.

Ред.

ствѣ войска Донскаго“; членами этого комитета состояли: уроженцы донскіе—ген.-маіоры: Кутейниковъ и Андріановъ и подполковникъ Шамшевъ, и отъ министерства юстиціи — д. с. с. Болгарскій; на мѣсто же назначеннаго наказнымъ атаманомъ.—Иловайскаго.—поступилъ членомъ комитета донской войсковой старшина Якимъ Васильевичъ Машлыкинъ. Атамана Денисова и бывшихъ двухъ членовъ упомянутаго комитета, ген.-лейт. Карпова и ген.-маіора Черевкова, повелѣно предать суду. Главнѣйшимъ пунктомъ обвиненія Денисова было — учрежденіе имъ на Дону питейнаго откупа и замѣченное въ засѣданіяхъ комитета покровительство его этому откупу, а Карповъ и Черевковъ обвинялись какъ участники откупа. Вскорѣ, однако-жъ, Чернышевъ объявилъ слѣдующее высочайшее повелѣніе: „По докладу моему, государь императоръ изволилъ изъявить всемилоствѣйшее дозволеніе — предстательствовать у Е. В. объ освобожденіи отъ суда атамана Денисова и нѣкоторыхъ изъ членовъ канцеляріи,¹⁾ неумышленно виновныхъ въ преступленіи по своимъ должностямъ, тогда какъ справедливый страхъ, внушенный настоящимъ годованіемъ верховной власти, произведетъ желаемое впечатлѣніе“.

Алексѣй Васильевичъ Иловайскій избранъ былъ въ званіе атамана собственно по представленію ген.-адъют. Чернышева, „цѣннѣшаго его благородныя мысли на пользу войска“,—такъ писалъ Чернышевъ къ Иловайскому изъ Лайбаха, гдѣ онъ находился тогда при Александрѣ I, въ время происходившаго тамъ конгресса.

Относясь столь лестно объ Иловайскомъ, Чернышевъ однако-жъ не вполне довѣрялъ и ему: это видно изъ того, что онъ назначилъ д. с. с. Болгарскаго въ помощь Иловайскому, при пріемѣ послѣднимъ дѣлъ отъ его предмѣстника, Денисова; причемъ, въ письмѣ къ Болгарскому, Чернышевъ совѣтуетъ ему „вести себя какъ можно осторожнѣе, не выказывая того, что Иловайскій поступаетъ къ нему (Болгарскому) какъ бы подъ опеку“. Въ этомъ же письмѣ къ Болгарскому Чернышевъ, между прочимъ, весьма хвалитъ приближенныхъ Иловайскаго, П. и III., о которыхъ впоследствии отзывался уже очень дурно. При этомъ Чернышевъ просилъ Болгарскаго „увѣдомить его о впечатлѣніи, произведенномъ смѣною атамана Денисова“. Вслѣдъ затѣмъ онъ увѣдомляетъ Болгарскаго, что „комитетъ объ устройствѣ войска донскаго“ переводится изъ Новочеркаска въ С.-Петербургъ.

Къ сожалѣнію, съ этого времени до самаго вступленія на престолъ императора Николая I, не находится въ архивѣ главнаго управ-

¹⁾ Нѣкоторые изъ членовъ Донской Войсковой Канцеляріи также обвинялись Чернышевымъ въ преступномъ покровительствѣ питейному откупу.

ленія иррегулярныхъ войскъ, изъ котораго мы извлекали предлагаемыя здѣсь свѣдѣнія, никакихъ матеріаловъ; которые могли бы освѣтить этотъ четырехлѣтній пробѣлъ въ дѣйствіяхъ Чернышева по дѣламъ донскаго войска; только въ 1825 г., перель переѣздомъ Александра I въ Таганрогъ, встрѣчается въ дѣлахъ слѣдующее письмо Чернышева къ Иловайскому, который уже въ то время былъ войсковымъ атаманомъ.¹⁾

„Нынѣшнее высочайшее посѣщеніе ввѣреннаго вамъ края есть счастливѣйшій и благопріятнѣйшій случай для в. п. обратить вниманіе императора на благоразумную попечительность вашу, которая доселѣ отличала всѣ дѣйствія ваши по управленію донскимъ войскомъ. Какъ хозяинъ и какъ начальникъ, совершенно увѣренный въ чистотѣ дѣйствій своихъ, вы можете, съ полною откровенностью, докладывать справедливому монарху о томъ пламенномъ стремленіи къ добру, которое одно руководило васъ на поприщѣ настоящей вашей службы, и о томъ, что находили вы несообразнымъ съ пользами народа.... Нѣтъ сомнѣнія, что неблагопріятная вамъ партія и при семъ случаѣ распустилъ вредные для васъ слухи и нелѣпости; но это не должно для васъ имѣть никакого впечатлѣнія: надлежитъ только предвидѣть могущіе возникнуть вопросы и быть въ готовности отвергнуть ихъ“.

Современники говорятъ, что въ 1825 г., во время проѣзда императора Александра I чрезъ Новочеркасскъ и Старочеркасскую станицу въ Таганрогъ, Алексѣй Васильевичъ Иловайскій былъ удостоенъ особымъ монаршимъ благоволеніемъ къ нему: императоръ принялъ приготовленный донскимъ дворянствомъ балъ и оказывалъ, во время его, атаману и его супругѣ, весьма лестное вниманіе, а проѣзжая потомъ чрезъ Старочеркасскую станицу, государь неожиданно посѣтилъ жив-

¹⁾ 23-го апрѣля 1825 г., Чернышевъ, какъ предсѣдатель комитета, поднесъ государю проектъ новаго «положенія о Донскомъ войскѣ». Проектъ этотъ былъ тогда же переданъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, а за занятіе въ комитетѣ чины его получили слѣдующія награды:

Наказный атаманъ, ген.-лейт. Иловайскій — званіе войсковаго атамана и орденъ св. Владиміра 2-й ст.; Болгарскій — чинъ тайн. сов. и званіе сенатора; ген.-маіоры Кутейниковъ и Андріановъ — ордена; письмоводитель, корнетъ гвардіи Сухоруковъ — слѣдующій чинъ и 1,500 руб. деньгами. (Это тотъ даровитый и образованный донской уроженецъ Сухоруковъ, который впоследствии подпалъ подъ немилость Чернышева, переведенъ изъ гвардіи въ армію тѣмъ же чиномъ и посланъ на службу въ Грузію; тамъ, оцѣненный главнокомандующимъ, графомъ Паскевичемъ-Эриванскимъ, и взысканный его особеннымъ расположеніемъ, онъ подвергся новому переводу въ войска, служащія въ Финляндіи, а оттуда снова въ Донской казачій полкъ, расположенный на кавказской линіи).

Н. Б.

шую тамъ, 80-ти-лѣтнюю старушку-мать Иловайскаго, и благодарилъ ее за отличную службу трехъ ея сыновъ: генерал-лейтенантовъ — Алексѣя и Николая и генерал-маіора — Осипа, Васильевичей, Иловайскихъ.

По восшествіи на престолъ Николая I, атаманъ Иловайскій отдалъ слѣдующій приказъ по донскому войску (10-го января 1826 г.):

«Храбрые и вѣрные донскіе воины! Изъ возвышеннаго мнѣ въ народъ манифеста всемилостивѣйшаго государя нашего, императора Николая Павловича, даннаго въ 19-й день минувшаго декабря, узнали мы о гнусномъ намѣреніи злыхъ заговорщиковъ поколебать спокойствіе любезнаго нашего отечества. Я въ полной мѣрѣ ощущаю то негодованіе, которымъ переполнены сердца ваши противу сихъ злодѣевъ, кои всѣ, благодареніе Всевышнему, схвачены и преданы дѣйствию правосудія.

«Вѣрные сыны Дона! Намъ отцы наши оставили достойный образецъ преданности ихъ государю своему въ событіи 1705 г., во время стрѣльцоваго бунта: они не только не вняли гласу подосланныхъ тогда возмутителей, которыхъ схвативъ, представили къ государю; но общимъ приговоромъ осудили еще всякого, кто только поколеблется цѣловать крестъ о неизмѣнной вѣрности своей — «въ кудъ да въ воду», и грудью стали за царя своего. Жалованная за сіи подвиги грамота и клейноды, знаменующіе славу предковъ нашихъ, сохраняютъ память сей доблести ихъ въ самомъ позднемъ потомствѣ.

«Мы наследовали отъ отцовъ нашихъ всѣ добрыя ихъ качества; въ нашихъ жилахъ течетъ ихъ кровь, и я ручаюсь за васъ, достойные мои соотчичи, и вы взаимно поручитесь за всѣхъ и каждаго, что въ цѣломъ составѣ нашемъ нѣтъ ни единого челоука, который бы, подобно знаменитымъ нашимъ предкамъ, не почиталъ величайшимъ благомъ пожертвовать послѣднею каплею крови своей за царствующій домъ и за всемилостивѣйшаго государя нашего, императора Николая Павловича». (При приказѣ этомъ приложена отпечатанная копія съ жалованной грамоты императора Петра I.)

До 1826 г. Чернышевъ былъ доволенъ Иловайскимъ, но въ январѣ этого года сдѣлалъ замѣчаніе войсковому атаману, что онъ не присылаетъ ему никакихъ о войскѣ свѣдѣній; а войсковой атаманъ, съ своей стороны, замышлялъ жалобу на предсѣдателя комитета и, вѣроятно полагая, что при новомъ государѣ Чернышевъ не будетъ въ прежней милости, рѣшился подать императору Николаю слѣдующую докладную записку:

„Движимый чувствами благоговѣнія къ высокимъ намѣреніямъ

1) Изъ грамоты 1706 г., февраля 21-го, между прочимъ, видно, что грамота эта дана за то, что атаманъ Лукьяновъ не допустилъ въ 1705 г. подосланныхъ отъ стрѣльцовъ астраханскихъ «съ прелестными, воровскими и ложными письмами», и что тѣхъ стрѣльцовъ войсковой атаманъ, со старшинами, сковавъ, прислалъ къ государю Петру I. При той грамотѣ были высланы: «войсковому атаману — перначъ серебрянный, съ камнями, золоченъ; бунчугъ съ аблокомъ и съ доскою и съ трубкою серебрянною, золоченъ; знамя большое, писанное на камкѣ золотомъ».

вашего императорскаго величества, дерзая всеподданнѣйше представить прозорливому вашему вниманію такое дѣло, отъ котораго зависить жребій дѣлаго Донскаго войска. Оно тяготитъ мою душу, и если не открою онаго предъ отцемъ отечества, то обязанъ буду дать отвѣтъ предъ Богомъ и предъ совѣстью своею.

„Составленный донскимъ комитетомъ проектъ новаго положенія, въ скоромъ времени долженъ быть представленъ на высочайшее ваше императорскаго величества утвержденіе. Всемилостивѣйшій государь! Повергаю предъ священною особою вашего величества чисто-сердечное сознаніе въ томъ, что въ ономъ проектѣ допущены многія, ненамѣренныя, ошибки, по свойственному челоуѣку недоразумѣнію, кои открылъ я теперь, единственно изъ опытовъ.

„Бывъ обязанъ,—на основаніи именнаго высочайшаго указа отъ 27-го января 1821 года, на имя мое даннаго, — примѣнять предложенія донскаго комитета къ дѣйствіямъ войскаго управленія, а, по первымъ опытамъ сего рода, встрѣтилъ нѣкоторые недостатки въ комитетскихъ доложеніяхъ; сіе заставило меня обратить на нихъ сугубое вниманіе и разсматривать ихъ во всѣхъ отношеніяхъ, примѣняя къ самому дѣлу. По трехлѣтнимъ тавовымъ наблюденіямъ, нѣкоторыя изъ предложеній комитетскихъ дѣйствительно оказались—одни недостаточными, другія нѣсколько несообразными съ порядкомъ вещей, или противорѣчащими пользамъ края нашего; иныя же вовсе невозможными въ исполненіи. О многихъ изъ нихъ, въ свое время, доводилъ я до свѣдѣнія предсѣдательствующаго, генерал-адъютанта Чернышева, для принятія мѣръ исправленія.

„Я самъ участвовалъ въ составленіи положенія о Донскомъ войскѣ и нимало не останавливаюсь сознаться предъ вашимъ императорскимъ величествомъ въ сихъ ошибкахъ. Несовершенство—есть необходимое условіе всѣхъ дѣлъ челоуѣческихъ. Когда въ комитетѣ обсуживали мы предметы, въ то время простое разсужденіе представляло намъ приемлемыя мѣры наилучшими; но нигдѣ опытъ тому противорѣчитъ. Обращаясь къ самымъ источникамъ, изъ коихъ могли произойти открываемыя погрѣшности, я теперь вижу два, весьма важныя, упущенія, относящіяся къ донскому комитету, изъ коихъ одно—касается собственно состава его, а другое—производства его дѣла.

„Первое: въ составѣ донскаго комитета не было ни одного члена, избраннаго донскимъ войскомъ. При самомъ начальномъ учрежденіи его были назначены войскаго атаманомъ, генерал-лейтенантомъ Денисовымъ, по собственному его выбору, члены (фамиліи ихъ); послѣ того, на мѣсто генерала Карпова и Черевкова, высочайше

РАДЛОВЪ

опредѣлены, по представленіямъ генерал-адъютанта Чернышева, я и генерал-маіоръ Кутейниковъ и, потомъ, войсковой старшина Машлыкинъ. Вашему императорскому величеству всеподданнѣйше представляю обстоятельство сіе по убѣжденію: члены, избранные всѣмъ войскомъ и облеченные довѣріемъ всего общества, знали бы пользы его и внутреннее положеніе вѣрнѣе и точнѣе, нежели назначенные по выбору кого-либо. Утвердительно полагаю, что комитетъ донской никогда бы не принялъ столь несоотвѣтственнаго мѣрѣнія, каковое открывается теперь въ правилахъ о поземельномъ надѣлѣ мелко-помѣстныхъ чиновниковъ, если бы присутствовалъ въ ономъ хотя одинъ членъ, принадлежащій сему классу.

„Упоминаемыя правила столь несовершенны, что если будутъ допущены въ томъ видѣ, каковы онѣ теперь, то окажутся совершенно противными привилегіи донскихъ офицеровъ, состоящей въ раздачѣ имъ земли во всегдашнее владѣніе. Необезпеченные въ содержаніи своемъ и не имѣющіе средства воспитать дѣтей прилично званію своему, они не могутъ жертвовать, съ тою рѣшительностію, жизнію, съ тою ревностію продолжать службу, если бы были увѣрены, что послѣ нихъ семейства будутъ имѣть способы нятать себя и дѣти исправятся пристойно званію на служеніе вашему императорскому величеству“.¹⁾

„Второе: начальныя дѣйствія комитета были учреждены не на точномъ разумѣ высочайшей воли, — именно: бывшій войсковой атаманъ, генерал-лейтенантъ Денисовъ, въ представленіи своемъ вѣчно блаженнаго памяти государю императору, Александру Павловичу, отъ 21-го сентября 1818 года, испрашивалъ высочайшаго соизволенія: „учредить на Дону комисію, которая бы собрала воедино всѣ бывшія постановленія о Донскомъ войскѣ, въ разныхъ государственныхъ узаконеніяхъ разсѣяныя, равнымъ образомъ всѣ собственныя распоряженія и обычаи войска, имѣющіе на Дону силу закона, но во многомъ отступившіе отъ коренныхъ началъ своихъ, сообразила бы съ настоящимъ духомъ народа, съ мѣстнымъ положеніемъ вещей и съ точнымъ смысломъ правъ и привилегій, войску дарованныхъ, и, такимъ порядкомъ, составила бы цѣлое, полное и ясное законоположеніе для Донскаго края.“

¹⁾ Впослѣдствіи времени донскіе атаманы: Хомутовъ, графъ Граббе, Поталовъ и Чертковъ, подтверждали эту мысль въ представленіяхъ своихъ и, въ 1870 г., въ день 300-лѣтняго юбилея существованія донскаго войска, высочайше повелѣно: бывшіе «пожизненные», а затѣмъ «срочные» поземельные участки, передать донскимъ генераламъ, штабъ и обер-офицерамъ, изъ временнаго пользования «въ потомственную собственность».

„Точно въ такомъ же разумѣ состоялся и высочайшій указъ отъ 10-го марта 1820 года, на имя атамана Денисова, объ учрежденіи на Дону комитета, — именно онымъ повелѣно: „я съ удовольствіемъ принимаю и одобряю намѣреніе ваше собрать воедино всѣ узаконенія относительно войска донскаго, въ различныя времена и по разнымъ случаямъ изданныя и въ разныхъ частныхъ постановленіяхъ заключающіяся, — рассмотреть оныя въ особенномъ комитетѣ, сообразить ихъ съ настоящимъ порядкомъ вещей и представить потомъ мнѣ Новое Положеніе“.

„При самомъ приступѣ къ занятіямъ своимъ, донской комитетъ опустилъ изъ вида сію цѣль и, вмѣсто того, чтобы начать составленіе полнаго свода всѣхъ существующихъ постановленій и обычаевъ донскаго войска, онъ, по внесенной въ первомъ присутствіи запискѣ генерал-адъютанта Чернышева, потребовалъ отъ войсковой канцеляріи разныхъ свѣдѣній, отдѣльно по нѣкоторымъ военнымъ и гражданскимъ частямъ, а потомъ, по мѣрѣ полученія сихъ свѣдѣній, занимался обсужденіемъ самыхъ предметовъ и, такимъ образомъ, дѣлалъ опредѣленія свои для будущаго законодательства.

„Не чувствительно порядокъ сей утвердился навсегда, одинъ предметъ смѣнялся другимъ, оканчивался положительно и давалъ мѣсто новому; къ составленію же свода существующихъ постановленій комитетъ донскаго войска уже не обратился. Я высочайше опредѣленъ въ оный членомъ въ 1820 году, тогда какъ онъ совершилъ почти половину своихъ трудовъ. Не знаю, какъ бы я поступилъ, если бы присутствовалъ съ самаго начала, но въ то время увлеченъ былъ заведеннымъ въ дѣлахъ его порядкомъ и не имѣлъ ни силъ, ни способъ протѣиваться ему.

„Такимъ образомъ, донской комитетъ окончилъ весь свой трудъ отдѣльными постановленіями, по каждому предмету особо. Положенія сіи послѣ того изложены въ систематическомъ порядкѣ, въ С.-Петербургѣ, генерал-адъютантомъ Чернышевымъ и сенаторомъ, тайнымъ совѣтникомъ Болгарскимъ. Хотя оказавшіяся въ отдѣльныхъ частяхъ противорѣчія при самъ случаѣ исправлены, но главныя погрѣшности остались незамѣченными.

„Осмѣливалось повторить вашему императорскому величеству, что донскому комитету, приступая къ сочиненію закона, необходимо надлежало имѣть въ виду полный сводъ существующихъ постановленій и обычаевъ, ибо тогда только онъ ясно могъ бы видѣть — что именно въ существующемъ порядкѣ вещей нужно дополнить, измѣнить, или вовсе уничтожить, сообразно духу и правамъ народа. Но онъ съ первою своею ошибкою соединилъ другую, — именно: объ обычаяхъ,

имѣвшихъ на Дону силу закона, онъ не сдѣлалъ даже вопроса и вовсе не имѣлъ ихъ въ виду. Единственно отъ сего произошли погрѣшности, допущенныя въ правилахъ о „станичномъ управленіи“ и „объ управленіи калмиками“: ибо оныя донскія основаны исключительно на обычаяхъ, освященныхъ временемъ. Не сохранить ихъ, значитъ потрепсти права и привилегіи донскихъ обитателей; наиболѣе сего неминуемо ожидать надлежитъ отъ допущенныхъ измѣненій въ „станичномъ управленіи“.

„Всемиловѣйшій государь! Сія, важные предметы, составляли тяготу души моея; вѣрю ихъ отеческому сердцу твоему, милосердый монархъ. Да не обратится на меня гнѣвъ твой! Если бы я умолчалъ теперь объ ономъ, то, рано или поздно, донское войско, въ справедливыхъ жалобахъ своихъ, стало бы винить одного меня, какъ начальника своего, въ непростительной безпечности.

„Высокія попеченія вашего императорскаго величества о благѣ народа исполняютъ войско донское несомнѣнною надеждою на прочное свое благоденствіе. Обрати, всемиловѣйшій государь, отеческое вниманіе на сіе чистосердечное изъясненіе мое и повели: приготовленное положеніе для донскаго края еще разсмотрѣть, съ большимъ вниманіемъ, членамъ, избраннымъ всѣмъ войсковымъ обществомъ.

„Правительство войсковое обязано будетъ вручить имъ полный сводъ всѣхъ существующихъ постановленій и обычаевъ, который составить подъ наблюденіемъ правительствующаго. Довѣренныя члены будутъ вполне знать мѣстныя положенія вещей на Дону и обстоятельства своего сословія.

„Они, сообразивъ составленный донскимъ комитетомъ проектъ съ упоминаемымъ сводомъ древнихъ постановленій, утвержденныхъ временемъ и благостію августѣйшихъ монарховъ нашихъ, виннутъ во всѣ мѣстныя обстоятельства, въ самыя права и обычаи страны и, потомъ, сдѣлають, въ чемъ найдутъ нужнымъ, замѣчанія свои и представлять оныя вмѣстѣ съ прежнимъ проектомъ.

„Ваше императорское величество! „Положеніе войсковое“ уже семь лѣтъ непрестанно занимаетъ умы сего войска; оно уповаеть обрѣсти въ немъ несомнѣнное счастье свое; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, донскіе воины, какъ вѣрноподанные, вполне чувствуютъ что должны ожидать благоденствія своего отъ отеческихъ щедротъ августѣйшаго монарха нашего“.

Подписаль: „вѣрноподанный, войска донскаго войсковой атаманъ, генерал-лейтенантъ Иловайскій“.

10-го августа 1826 года.—Москва.

Эту записку Иловайскій подалъ государю въ Москвѣ, во время бранныхъ. Государь передалъ ее на просмотръ генерал-адъютанта Чернышева.

По поводу этой записки Чернышевъ написалъ длинное объясненіе, въ которомъ излагаетъ ходъ дѣлъ въ донскомъ войскѣ до образованія комитета, ¹⁾ и затѣмъ, перехода къ дѣятельности комитета, засѣдавшаго, по смѣнѣ Денисова, подъ его личнымъ предсѣдательствомъ, Чернышевъ приводитъ:

„Возбужденные отъ глубокаго унынія (казаки) къ надеждѣ, они тѣмъ съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаютъ новаго закона, подъ сѣнью коего могутъ обрѣсти довольство и правосудіе, что, во-первыхъ, ежегодное чтеніе высочайшихъ грамотъ и рескриптовъ возобновляетъ въ умахъ ихъ попеченіе о непрелѣпной волѣ государей сохранить дарованнаго войску привилегіи неприкосновенными на вѣчныя времена, и во-вторыхъ, что войсковое начальство, при всѣхъ справедливыхъ жалобахъ казаковъ на терпимое ими стѣсненіе, отлагаетъ удовлетвореніе до „Новаго положенія“. Сіе общее чувство казаковъ раздѣляютъ и чиновники безпомѣстные, живущіе въ станицахъ и, по оскуднѣнію въ довольствіяхъ, едва снискивающіе тамъ средства къ своему содержанію.

„Справедливость и основательность таковой надежды терпящихъ, доказывали сами помѣстные чиновники тѣмъ, что когда видѣли съ одной стороны себя обличенными въ противозаконныхъ захватахъ общаго достоянія, а съ другой — твердое намѣреніе правительства положить вонецъ своевольству ихъ, то, во все время занятій комитета на Дону, пребывали совершенно бездѣйственными и даже расположились и были готовы къ безмолвному исполненію тѣхъ мѣръ, какія правительство признаетъ нужными для общаго устройства Донскаго края.

„Но коль скоро приняли, что утвержденіе проекта замедлилось, а можетъ быть свѣдали и о возникшемъ въ колысу ихъ разногласіи по комитету, то вдались въ суетные толки и исканія и, связями родства и личными выгодами старались войсковую власть преломить въ своимъ видамъ, дабы совокупно устремиться на удержаніе прежняго порядка вещей, въ чемъ однако же не успѣвали доволѣ власть сія остерегалась и, такъ сказать, неознакомилась съ соблазнительными дѣйствіями господствовавшаго тамъ произвола.

¹⁾ Нужно замѣтить, что въ дѣлахъ архива главнаго управленія ирегулярныхъ войскъ находится нѣсколько записокъ Чернышева, поданныхъ императорамъ Александру I и Николаю I, а также и Аракчееву. Сущность этихъ записокъ не разнится между собою.

„Изъ сего слѣдуетъ, что если бы общее преобразование по войску еще замедлилось, или было отложено, тогда самое малое число изъ его обитателей, увлеченное удачею своихъ происковъ, паки обратится, но съ сугубою уже дерзостью, на притѣсненіе слабѣйшихъ; многочисленный же и полезнѣйшій классъ жителей долженъ погрузиться въ прежнее уныніе и, поелику тяжесть положенія его видѣть изъ всякой мѣры, то правительство, для удовлетворенія справедливыхъ жалобъ обиженныхъ, рано или поздно вынуждено будетъ прибѣгнуть къ тѣмъ же средствамъ, кои предположилъ донской комитетъ, но съ тою разностью, что удобное и легкое въ исполненіи при началѣ, можетъ впоследствии содѣлаться затруднительнымъ и потребовать новыхъ сильнѣйшихъ мѣръ“.

Въпротивъ вышеприведенное объясненіе Чернышева на докладную записку Иловайскаго служило приложеніемъ къ двумъ другимъ объяснительнымъ запискамъ Чернышева, изъ которыхъ въ первой изложено:

„По высочайшему соизволенію, въ теченіи минувшихъ лѣтъ, находясь въ сношеніяхъ съ атаманомъ Иловайскимъ по части образовательной, я не переставалъ вразумлять его, что предписанное приспособленіе къ проекту должно ограничиться тѣмъ, чтобы, оставляя мѣстное управленіе въ настоящемъ его составѣ и образѣ дѣйствій, пещись о пресѣченіи вкрапившихся злоупотребленій о водвореніи повсюду порядка и справедливости.“

„Но какъ сношенія мои съ нимъ заключались въ однихъ частныхъ совѣтахъ, которые гласнаго вліянія на дѣйствія его не имѣли, то генералъ Иловайскій, въ послѣднее время пересталъ держаться совѣтовъ моихъ и, уклонившись къ обыкновенному на Дону произволу, началъ даже вводить мѣры, предназначенныя проектомъ, и настоятельно требовать списка съ онаго къ дальнѣйшему руководству при устройствѣ нѣкоторыхъ предметовъ по войску.“

„Когда же, для удержанія его въ предѣлахъ одного приспособленія къ проекту, В. И. В. соизволили изъявить высочайшую волю, сообщенную атаману 27-го февраля 1826 г., дабы, впрямь до обозрѣнія вашего величества начертаній о донскомъ войскѣ, остереглись вводить самый проектъ въ дѣйствіе, тогда генералъ Иловайскій, какъ изъ нѣкоторыхъ отзывовъ его видно, сію высочайшую волю понимаетъ превратно и считаетъ себя въ правѣ дѣйствовать по примѣру своихъ предшественниковъ, т. е. по собственному его усмотрѣнію или произволу, который и безъ того уже ощутителенъ, особенно по войсковому хозяйству и въ предметахъ военныхъ“.

Во второй же запискѣ, касающейся собственно всеподданнѣйшей

записки Иловайскаго и которая (записка Чернышева) озаглавлена: „Отвѣтъ на всеподданѣйшее письмо войсковаго атамана Иловайскаго“. Чернышевъ приводитъ:

„Всеподданѣйшее письмо атамана Иловайскаго отъ 10-го августа сего (1826) года обращаетъ на себя особенное вниманіе по духу, или образу мыслей, его отличающему.

„Атаманъ, оуждая составъ и порядокъ занятій комитета, — бывшій, по словамъ его, главною причиною недостатковъ въ самомъ проектѣ положенія и, испрашивая дозволенія пересмотрѣть оный на Дону, — явно присвоаетъ небывалое въ Россіи право избранія довѣренныхъ членовъ общества или народныхъ представителей, которые бы, составляя для себя законы, находились въ непосредственномъ отношеніи къ государственному совѣту; сѣбѣ же лично наименованіе „правительствующаго“.

„Въ государствѣ, гдѣ всякій законъ и всякое начальство истекаютъ отъ единой, самодержавной власти государя, подобныя присвоенія, и даже самыя мысли объ оныхъ, не должны быть терпимы, наипаче въ лицѣ начальника военной области, гдѣ безмолвное повиновеніе есть существенная основа всѣхъ дѣйствій.

„Доселѣ, въ Россіи, ни одна область не имѣла права избирать представителей. Финляндія, Вѣлостокъ и Сибирь въ недавнее время получили новое устройство, основанное на соображеніяхъ комитетовъ, или лицъ, кои были назначены отъ государя.... Но, нигдѣ и ни въ какое время, не было допускаемо у насъ право избранія представителей, кои бы сами для себя составляли законы и находились въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ государственнымъ совѣтомъ.

„Тѣмъ менѣе могло быть такое дано донскому войску, завѣдывшему началью отъ иностранной, а потомъ отъ военной коллегіи, впоследствии же — отъ общаго порядка въ государствѣ, какъ по военному, такъ и гражданскому его управленію, и никогда еще неимѣвшему у себя ни „правительствующаго“, ни „правительства“, а просто — атамана и войсковую канцелярію, составляющихъ мѣстное начальство въ войскѣ, въ видѣ губернскаго.

„Между донскими чиновниками, особенно зажиточными и имѣвшими власть въ рукахъ своихъ, кои съ нѣкотораго времени подстрекаются сужденіями обучавшихся въ университетахъ, всегда замѣчались мечтательныя мысли на счетъ самостоятельности ихъ отчизны; но сіе, частное и чуждое для общества, заблужденіе должно было исчезнуть само собою, коль скоро ясныя законы стали бы направлять cadaго къ точному исполненію его обязанностей.

„Если же самъ начальникъ войска начинаетъ говорить въ сѣмъ

духъ предъ вашимъ императорскимъ величествомъ, то мнѣнія его уже дѣлаются опасными и не могутъ быть допускаемы, потому, что легко распространились бы въ обществѣ, отъ вліянія его зависящемъ, и со временемъ превратились бы въ сужденія вольнодумныя.

„По 1-му вопросу: о не соотвѣтственности комитета.

„Въ дѣлѣ общемъ, каковое есть устройство дѣлаго войска, чиновники и казаки должны бы имѣть равное участіе и, слѣдовательно, выборъ довѣренныхъ членовъ, по справедливости, одинаково принадлежалъ бы обѣимъ сословіямъ; но если бы сіе было допущено, то, во-первыхъ, казацкіе представители, защищая коренныя права свои, не избѣжали бы необходимости оскорбленія своихъ начальниковъ, оныя нарушившихъ, и тѣмъ ослабили бы военную дисциплину; оставаясь же безмолвными противъ утѣснителей, они невозвратно терли бы существенныя пользы своего сословія; и во-вторыхъ представители чиновниковъ должны были бы естязаться съ терпящими отъ нихъ подчиненными и содѣлаться судьями въ собственномъ дѣлѣ.

„2-й вопросъ: о правахъ офицеровъ.

„По всѣмъ грамотамъ, указамъ и постановленіямъ удостовѣрено то, что дарованныя отъ всемилоствѣйшихъ государей привилегіи, преимущества и выгоды, принадлежать всему донскому войску, но не лично сословіямъ, его составляющимъ, и что коренной порядокъ довольствія землями на Дону—есть „общественный“, во коему каждый войсковой обитатель пользуется, сколько ему нужно, безъ обиди другого, но не имѣть права ничего почитать исключительно своею принадлежностью.

„По свѣдѣніямъ же, собраннымъ на мѣстѣ, извѣстно, что въ прежнія времена всѣ офицеры донскаго войска довольствовались землями въ станицахъ, гдѣ жили, на общественномъ правѣ съ казаками, а теперь, одни только главнѣйшіе числомъ, безпомѣстныя, довольствуются на семь основаній и вмѣстѣ съ казаками терпятъ оскудѣніе въ необходимыхъ угодьяхъ; нѣкоторая же часть донскихъ чиновниковъ,—помѣстныя и мелкопомѣстныя,—своевольно, или по потворству мѣстной власти, захватили изъ общественныхъ и даже станичныхъ земель отдѣльныя пространства и, заселивъ крестьянами, владѣютъ незаконно.

„Но ежели бы онъ (Иловайскій) столь странную мысль свою основалъ на томъ, что войсковое начальство,—впрочемъ, никогда не имѣвшее ни права, ни разрѣшенія отъ высочайшей власти раздавать общественное достояніе въ частную принадлежность,—самовластно пустило чиновниковъ занимать войсковыя земли и селить крестьянъ съ притѣсненіемъ коренныхъ жителей, то сіе основаніе должно раз-

рушиться само собою, коль сдѣлалось гласнымъ предъ высшимъ правительствомъ, ибо возникло вѣдѣ закона и могло существовать единственно потому, что было скрывается мѣстною властью, которая, за нарушение своихъ обязанностей, подлежитъ строгому отвѣту.

„Мнѣ остается только замѣтить на счетъ истинной цѣли ходатайства Иловайскаго, который, слѣдуя примѣру своихъ предшественниковъ, благовидно ищетъ преклонить ваше величество къ одобренію сокровеннаго замысла донскихъ помѣстныхъ чиновниковъ, устремляющихся къ тому единственно, чтобы, отстранивъ всякое постороннее участіе и получивъ въ свои руки проектъ положенія, составить на оный такія замѣчанія, кои бы, подъ предлогомъ пересмотра древнихъ постановленій и обычаевъ, уничтожили все, что начертано въ проектѣ для возстановленія угнетеннаго состоянія казаковъ и для водворенія въ войскѣ строгаго и прочнаго порядка, и, силою уже общаго постановленія, утвердить господствующіе въ семъ краю произволъ и безотчетность“... „а потому“ — заключилъ Чернышевъ — „необходимо, чтобы повелѣно было:

„а) Атаману Иловайскому—всѣ изъясненія его и доводы, какіе онъ противъ проекта могъ придумать, внести въ донской комитетъ, который, съ прибытіемъ гг. Кутейникова и Шамшева и по нахожденію здѣсь и сенатора Болгарскаго, можетъ составить полное присутствіе свое въ Петербургѣ.

„b) Донскому комитету все,—представленное г. Иловайскимъ, рассмотреть внимательнѣйше, сообразить въ подробности съ проектомъ „положенія“ и постановить общее заключеніе.

„с) Заключеніе представить въ государственный совѣтъ и затѣмъ донести В. И. В.

„d) Отъ Андріанова (исправлявшаго на Дону, за отсутствіемъ Иловайскаго, должность его), потребовать особое мнѣніе“.

На эту записку Чернышева послѣдовала слѣдующая высочайшая резолюція: „Государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ: мнѣри, изъясненныя подъ литерами: а, b, с, d, исполнить“, и вслѣдъ затѣмъ, именно 29-го ноября 1826 г., государь повелѣлъ: „въ первое засѣданіе „комитета объ устройствѣ донскаго войска“ объявить всеподданнѣйшее письмо атамана Иловайскаго и, отобравъ по соображенію онаго мнѣнія донскихъ членовъ, на счетъ одобренія его вполнѣ, или въ частности, или отверженія онаго, записать мнѣнія сіи въ журналѣ, а потомъ потребовать отъ атамана на письмо его поясненія, если таковое имѣеть. Журналы же комитета по сему предмету представлять всякій разъ его величеству на усмотрѣніе“.

30-го ноября 1826 г. удаленъ отъ должности правителя дѣлъ ко-

митета донской полковникъ Шумковъ, а на его мѣсто назначенъ военный совѣтникъ Вахрушевъ (не изъ войсковыхъ уроженцевъ).

7-го іюня 1827 г. послѣдовалъ указъ объ увольненіи Иловайскаго отъ должности войскового атамана, и на его мѣсто назначенъ генерал-маіоръ Кутейниковъ съ званіемъ „наказнаго атамана“.¹⁾

Иловайскій обвиненъ въ допущеніи по войску донскому безпорядковъ и, даже, злоупотребленій. Для производства строгаго слѣдствія по этому обвиненію командированъ на Донъ генерал-лейтенантъ графъ Гурьевъ и, при немъ, жандармскій полковникъ Шаминъ и нѣсколько чиновниковъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ и финансовъ.

Въ 1827 г. Чернышевъ уже былъ графомъ, товарищемъ начальника главнаго штаба его величества, сенаторомъ и управляющимъ военнымъ министерствомъ, оставаясь въ то же время председателемъ „комитета объ устройствѣ донскаго войска“.

Предъ увольненіемъ Иловайскаго отъ должности войскового атамана, мы встрѣчаемъ въ архивѣ еще слѣдующую, высочайше одобренную записку Чернышева, по поводу вышеприведенной всеподданнѣйшей записки Иловайскаго, поданной имъ государю 10-го августа 1826 года:

„По управленію донскаго войска издавна укоренились: произволь мѣстной власти, совершенная безотчетность и повсемѣстный непорядокъ, открытые въ комитетѣ съ 1819 г. и подробно наложенные въ докладъ его 1823 г., извѣстномъ вашему величеству.

„Вышнему атаману Иловайскому, присутствовавшему въ комитетѣ съ 1820 года, въ полномъ пространствѣ были извѣстны, какъ обнаруживаемыя по войску злоупотребленія, такъ и предположенныя мѣры для прекращенія оныхъ.

„По точной силѣ такового высочайшаго соизволенія (указъ 27-го января 1821 г. о назначеніи его атаманомъ), отъ времени вступленія г. Иловайскаго въ управленіе войскомъ коннѣ, надлежало ожидать ощутительныхъ успѣховъ во всемъ томъ, что относилось къ постепенному водворенію порядка, улучшенію хозяйства и къ устраненію произвольныхъ дѣйствій, тѣмъ справедливѣе, что ему совершенно были открыты всѣ невыгоды прежняго состоянія войска и всѣ предположенія объ отвращеніи оныхъ.

¹⁾ Тогда званіе «наказнаго атамана», по значенію власти, соответствовало званію войскового атамана, если послѣдній не находился въ войскѣ. Впослѣдствіи времени, и именно съ 2-го октября 1827 г., когда атаманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ назначенъ Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, нынѣ царствующій Государь Императоръ, атаманы каждаго казачьяго войска получили названіе «Войсковой наказный атаманъ».

„Но шестилѣтній опытъ, къ сожалѣнію, не оправдываетъ сего ожиданія, ибо по всѣмъ частямъ управленія замѣчаются тѣже неурядки, какіе существовали прежде, особенно по войсковому хозяйству, которое находится въ крайнемъ разстройствѣ.

„Я приведу здѣсь нѣкоторыя черты, свидѣтельствующія сію истину:

„а) Войсковое начальство, по однимъ важнымъ предметамъ приспособляло дѣйствія свои къ предположеніямъ комитета, — да и то съ уклоненіемъ въ личнымъ видамъ, — именно: по производству въ чины и увольненію въ отставку; по прочимъ же частямъ управленія сего и не начинало.

„б) Оно не только не заботилось увеличивать способы для составленія капиталовъ, — военного и вспомогательнаго, — предназначенныхъ комитетомъ для обезпеченія всѣхъ военныхъ надобностей и для пособія офицерамъ и казакамъ при выходахъ на службу; но не обратило на сіе и вниманія. Не помышляло также ни о сбереженіи здоровья служащихъ съ полками, посредствомъ приготовленія собственныхъ лекарей; ни о снабженіи казаковъ однокалиберными ружьями; мѣры же, предписанныя для размноженія станичныхъ конскихъ табуновъ, приводило въ исполненіе безъ должнаго соблюденія пользы казаковъ.

„в) Судебныя мѣста по войску обременены множествомъ нерѣшенныхъ дѣлъ и арестантовъ.

„По занятію всѣхъ внутреннихъ должностей въ войскѣ одними природными донскими чиновниками, вліяніе прокурора и стражчихъ на успѣшное и правильное теченіе дѣлъ нигдѣ столько не нужно, какъ на Дону; но бывшіе тамъ прокуроры или оставались безгласными, или искали случаевъ, чтобы удалиться оттуда. Причиною сему то, что къ званію прокурора нѣтъ никакого уваженія и, если онъ безпристрастно исполняетъ долгъ свой, тогда подвергается различнымъ оскорбленіямъ и дѣйствию гнусной клеветы предъ его начальникомъ.

„Войсковое начальство, въ продолженіи 6-ти лѣтъ, не предпринимало труда обзрѣть окружныя мѣста и станицы, повѣрить мѣстное управленіе и узнать настоящее положеніе жителей. Начальникъ же войска, слишкомъ 5 лѣтъ остававшійся спокойнымъ, не прежде іюля 1826 года сдѣлалъ вопросъ: чѣмъ онъ долженъ руководствоваться при обзрѣніяхъ войска, которыхъ и не начиналъ?

„г) Войсковое хозяйство управляется произволомъ. Общіе расходы, простиравшіеся ежегодно до 500 т. руб., возрасли въ 1824 году болѣе 600 т., а въ 1825 около 900 т., тогда какъ ничего особеннаго по войску не сдѣлано... по частнымъ свѣдѣніямъ, взято изъ войсковыхъ суммъ до 68 т. р., подъ предлогомъ поѣздки атамана въ Москву и въ Петербургъ, безъ всякаго отъ начальства позволенія и, несмотря на

то, что при вызовѣ сюда атамана и членовъ комитета въ 1823 году, разрѣшено было всѣмъ имъ употребить не свыше 10,000 рублей.

„Построекъ не сдѣлан, несмотря на израсходование 200,000 р. и на употребленіе для этого двухъ рабочихъ полковъ.

„д) отъ станицъ отобраны, безъ всякаго отчета, станичные капиталы, простиравшіеся до 500,000 рублей.

„е) Ни начальники войска, ни войсковая канцелярія, во всѣ послѣдніе 6 лѣтъ, не представляли никуда и никакихъ за управление свое отчетовъ, кромѣ обыкновенныхъ рапортовъ о прибылн и убылн служащихъ офицеровъ и казаковъ, не взирая, что, по предположеніямъ комитета, они обязаны давать ежегодные отчеты на общемъ основаніи.

„ж) Донской комитетъ, по окончаніи начертанія своего о распредѣленіи войсковыхъ земель, требовалъ отъ войсковой канцеляріи, дабы, до утвержденія проекта „Новаго положенія“, раздача и заимка земель были приостановлены. Но, по частнымъ свѣдѣніямъ, требованіе сіе не исполнялось, и какъ самъ Иловайскій, такъ и дежурный штаб-офицеръ его, Шумковъ, первые нарушили сіе, принятое по войску правило, а за ними воспользовались заимкою земель и другіе; между тѣмъ, нѣкоторымъ заслуженнымъ и имѣвшимъ право на полученіе земли чиновникамъ, было отказано по силѣ означеннаго требованія комитета.

„з) Столь невыгодное положеніе войска не могло не обращать на себя справедливаго вниманія; но ни донской комитетъ, ни предсѣдатель его не имѣли никакого гласнаго вліянія на дѣйствіи войскового начальства и могли проникать въ истину по однимъ недостаточнымъ свѣдѣніямъ, кои иногда получались отъ того же начальства.

„Надежало выжидать удобнаго случая, для полученія отъ войскового начальства положительныхъ объясненій, дабы съ основательностію можно было обнаружить существующій непорядокъ.

„Но когда случай сей представился, то генерал-лейтенантъ Иловайскій, за всѣми настоятельными вопросами комитета, не далъ оному никакихъ свѣдѣній ни о состояніи войсковыхъ доходовъ и расходовъ, ни о сбереженіяхъ, какія за управление его сдѣланы для будущихъ построекъ и заведеній, ни о цѣлости суммъ, предназначенныхъ для составленія войсковыхъ капиталовъ.

„Такимъ образомъ, полезная цѣль высочайшаго указа, 27-го января 1821 года, о приуготовленіи войска къ удобнѣйшему введенію „Новаго положенія“, въ главнѣйшихъ основаніяхъ доселѣ не достигнута и войсковое управленіе представляется теперь не лучше того, какъ

было до учрежденія комитета, кромѣ тѣхъ предметовъ, которые приведены въ исполненіе по особеннымъ высочайшимъ разрѣшеніямъ“.

Затѣмъ Чернышевъ, „въ видѣ мѣръ исправленія“, предлагаетъ въ своей запискѣ: „постепенно вводитъ нѣкоторые пункты положенія до просмотра его въ государственномъ совѣтѣ.“ Большую часть этихъ мѣръ тогда же высочайше повелѣно было привести въ исполненіе назначенному въ званіе наказнаго атамана, генерал-маіору Кутейникову.

Записку эту Чернышевъ заканчиваетъ такъ:

„Всѣ изложенныя здѣсь мѣры, не измѣняя ни въ чемъ существующаго въ войскѣ управленія и формы дѣйствій, постепенно ознакомить его съ порядкомъ, хозяйственною бережливостію и строгою отчетностію; нечувствительно утверждать ихъ во всѣхъ отрасляхъ сего управленія и, пресѣкая укorenившіяся злоупотребленія и своевольства, дѣйствительно могутъ приготовить всѣ части къ удобнѣйшему введенію „Новаго положенія“, коль скоро удостоится онѣ высочайшаго утвержденія, ибо тогда проектъ сей не будетъ уже ни для кого новымъ и затруднительнымъ, но всѣмъ извѣстенъ и понятенъ“.

По произведенному графомъ Гурьевымъ слѣдствію, преданы суду: Иловайскій; бывшій при немъ дежурнымъ штаб-офицеромъ, полковникъ Шумковъ, и командиры двухъ рабочихъ донскихъ полковъ (учрежденных для устройства города Новочеркасса), полковникъ Егоровъ и подполковникъ Балабинъ. По рѣшенію суда, Иловайскій, Шумковъ и Егоровъ—уволены отъ службы, а Балабинъ лишень чиновъ.

Алексѣй Васильевичъ Иловайскій долженъ быть причисленъ къ замѣчательнымъ личностямъ въ средѣ донцовъ: онъ отличался храбростію и распорядительностію въ битвахъ съ непріателемъ, что свидѣлствуютъ имѣвшіеся у него ордена св. Георгія 4 и 3-го классовъ и золотая сабля, украшенная алмазами, а облеченный въ званіе войскового атамана, онъ обратилъ особенное вниманіе на отсталость донцовъ въ условіяхъ общественной жизни: началъ устроить у себя вечернія собранія съ танцами, и охотно самъ посѣщалъ подобныя же собранія у извѣстныхъ новочеркаскихъ жителей; выписалъ весьма порядочную труппу актеровъ; заботился объ улучшеніи путей сообщенія въ городѣ, улицы котораго въ дождливую пору были непроходимы отъ растворяющагося глинистаго грунта; способствовалъ къ безмездному снабженію жителей города здоровою водою устройствомъ находящагося близъ его дома ключа, который и до сихъ поръ извѣстенъ отличнымъ качествомъ воды и носитъ названіе „Иловайскаго колодца“.

Въ запискахъ одного изъ современниковъ атаманства Алексѣя Ва-

сильевича Иловайскаго находимъ слѣдующія слова: „атаманство Иловайскаго дало новый характеръ жизни донскихъ казаковъ. До Платова—господствовало на Дону старинное жите-бытье, со всѣми строгими требованіями патриархальности: точное посѣщеніе всѣхъ церковныхъ службъ отъ начала ихъ до конца; неусоснительное соблюдение постовъ; непремѣнное поздравленіе служебныхъ, уважаемыхъ и родственныхъ лицъ съ праздниками и именинами; молчаливое или разгульное препровожденіе времени въ кругу семействъ и близкихъ родныхъ. При Платовѣ—стали являться нѣкоторыя нововведенія въ общественной жизни донцовъ: конскія скачки и волтижированія; большія охоты на волковъ, зайцевъ и лисицъ; народные праздники съ призами на мячахъ, и прочія тому подобныя. Иловайскій—сталъ вводить разумное подражаніе жизни губернскихъ городовъ, вечернія собранія, танцы, театральныя зрѣлища и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сталъ развивать неизвѣстную дотошъ у насъ роскошь: драгоценныя вещи и дорогіе уборы дамъ, щегольскіе экипажи и упряжь, изысканныя угощенія; самъ онъ всему этому подавалъ примѣръ, выѣзжая по городу торжественно, въ предшествіи полиціймейстера и въ сопровожденіи конвоя отъ атаманскаго поля и нѣсколькихъ адъютантовъ; но, при Иловайскомъ было также поощреніе и всякому образованному донцу: въ штабъ его была лучшая наша молодежь—Сухоруховъ, Селивановъ, Кушнаревъ, Кучеровъ, Колесниковъ и другіе университетскіе питомцы“.

Алексѣй Васильевичъ Иловайскій оставилъ послѣ себя трехъ сыновей и одну дочь. Первые два сына: полковникъ Василій Алексѣевичъ и штаб-ротмистръ 1.-гв. казач. полка Николай Алексѣевичъ недолго жили послѣ смерти отца; нынѣ остались только—младшій сынъ, есаулъ Александръ Алексѣевичъ и дочь, Платонида Алексѣевна, въ замужствѣ за донскимъ генерал-лейтенантомъ Дмитріемъ Ивановичемъ Жировымъ.

Н. И. Красновъ.

